

В небольшом кафе было спокойно и очень уютно. Посетители, впитав атмосферу этого мирного места, разговаривали вполголоса, никто не курил. Шустрые официанты бесшумно сновали от столика к столику. Я села у окна, устроилась поудобнее. Остановив свой выбор на чашечке кофе и огромном куске шоколадного торта, с любопытством осмотрелась: да, тут очень мило. Обстановка кафе настраивала на лирический лад.

Осенний день взбудоражил город обманчивым теплом — на улице было не по сезону солнечно и шумно. А тут царил полумрак и тихо звучала классическая музыка. По диагонали от меня, в углу, стоял старый рояль, напротив размещался бар. Как ни странно, соседство короля музыкальных инструментов и стойки с алкогольными напитками меня не коробило.

Тёплые стены цвета кофе с молоком на первый взгляд выглядели оклеенными пожелтевшими листьями, вырванными из огромной нотной тетради.

Для далекого от музыки человека всё это, наверное, казалось бессмысленным нагромождением линий, точек и запятых. Я же с удивлением узнавала на стенах любимые с детства великие вещи, созданные Моцартом, Вивальди, Верди... Приглядевшись, я поняла, что всё это нарисовано вручную и отрывки из произведений гениальных композиторов — не что иное, как кропотливая роспись. И не поленился же кто-то так потрудиться. Но результат того стоил — кафе было милым и романтичным.

Как я тут оказалась, до сих пор удивляюсь — ведь это совсем рядом с моей работой, а я ни разу тут не была. Некогда, все время некогда. Дела, заботы, проблемы...

Но только не сегодня.

И это было очень странно, непривычно. Я смотрела по сторонам и думала: в кои-то веки вышла с работы, не торопясь, и мне никуда не надо спешить, никуда не надо мчаться. Муж уехал в командировку, на целых три дня. Сын с футбольным клубом укатил на соревнования.

Я хотела поехать с ними — с одним или с другим. Тем более, что была возможность. Куда там... Муж сказал, что ему не до меня, он, видите ли, будет очень занят. Сын уже совсем большой мальчик. Как раз в том возрасте, когда дети стесняются появляться на людях с матерью. Вырос ребенок, четырнадцать лет — не шутки. И как это произошло? За постоянной бегом не заметила.

Так вот, сегодня, после работы, я бесцельно шла по улице, рассматривая витрины. Зашла в один магазин, потом в другой. И абсолютно неожиданно для самой себя завернула в кафе.

И теперь мне совсем не хотелось уходить.

Милая девушка принесла заказ. Я подумала о том, что если бы пришлось подождать и подольше, меня бы это совсем не расстроило — давно я не чувствовала себя так комфортно и спокойно.

Кофе оказался превосходным. Наверняка таким будет и десерт. Я заказала ещё одну чашечку и снова принялась смотреть по сторонам.

Мой столик был в уголке зала и немного в стороне. Сквозь дымчатое стекло одностороннего окна я видела людей, снующих по улице, а меня, я точно знала, не видел никто. Люди, закончив работу, привычно спешили: кто по домам, кто забирать детей из школ и детских садов, в банк, на почту, по магазинам, на встречу... А я удивлялась тому, что меня сейчас нет в этой суетной толпе: сижу тут, ем потрясающий шоколадный десерт, а рядышком дымится вторая чашечка кофе.

Я с наслаждением отправила в рот маленький кусочек шоколадного торта. Кулинарный шедевр таял во рту, наполняя меня неземным блаженством. Вкуснотища!

Как же все-таки я люблю шоколад. Любой, в совершенно любом виде — молочный, горький, с орехами, с каким угодно наполнителем; конфеты, и плитки, и, конечно, горячий шоколад. Но торт, шоколадный торт — это нечто абсолютно особое. Нежнейший тёмный бисквит с прожилками шоколада, тяжёлый крем цвета густого какао с молоком и всё это залито чёрной, блестящей шоколадной глазурью толщиной почти в сантиметр...

Я так редко могу себе это позволить. Во-первых, дорого... во-вторых, калории. Но сейчас — можно. Ммм... какое ни с чем не сравнимое удовольствие. И — свобода.

Мои размышления прервала появившаяся перед моим столиком незнакомая девушка.

Не спрашивая разрешения, она села напротив. Одна из официанток тут же подошла к незнакомке, и та заказала кофе.

Я молча наблюдала, удивляясь такой наглости. В кафе полно свободных мест! Это что, её любимое? Может, это её постоянный столик? Но тогда почему она молчит?

Незнакомка, столь беспардонно усевшаяся за занятый мной стол, по всей видимости, была дамой обеспеченной — дорогая куртка, шикарная сумочка. Разглядывать в упор её было неловко, но краем глаза я заметила ухоженные руки с аккуратным, неброским, мастерски выполненным маникюром и огромную копну вьющихся тёмных волос. Красотка... Вот только волосы падают на лицо, не разглядеть толком. Но почему-то она показалась мне знакомой. Я с нарастающей завистью поглядывала на шикарные локоны, спадающие на плечи незнакомке. Нет, ну это становится очень любопытным! Интересно, сколько ей лет? Она явно старше, чем показалось на первый взгляд — виной тому, что я приняла её за молодую девушку, была точеная фигурка. И достоинство, с которым она заказала кофе, не присуще юным особам.

Вот сейчас она царственным тоном попросит меня удалиться.

Но незнакомка выглядела абсолютно спокойной и, казалось, не испытывала никакого дискомфорта.

Меня же с головой захлестнуло острое чувство зависти. Я на её фоне выглядела определенно Золушкой. Странно, почему меня это так взволновало?

— Прощу прощения, мы знакомы? — я наконец-то решилась нарушить неловкое молчание. — Или вы, вероятно, меня с кем-то спутали?

— Мы знакомы, — мягким, бархатным, прямо-таки чарующим голосом откликнулась незнакомка и откинула с лица копну волос.

На меня смотрело моё собственное лицо.

Моё. Собственное. Лицо.

У меня перехватило дыхание, и пропал дар речи.

Пока я приходила в себя, дама молча улыбалась. Снова обретя способность дышать и говорить, я еле слышно произнесла:

— Ты кто?

— Жизнь, — просто ответила она.

— Чья?

— Твоя.

Спорить почему-то не хотелось.

Я смотрела на неё во все глаза: у неё было моё лицо, и в то же время — абсолютно чужое. Со стороны мы могли бы показаться дальними родственницами — богатой и бедной, молодой и пожившей, успешной и не очень... Рядом с ней я в своем любимом, но не очень новом костюме, со старой — признаюсь! — сумкой, руками, давно не видевшими маникюра, выглядела замарашкой. Уж чего-чего, а критического взгляда на вещи мне не занимать.

— И... что тебе нужно от меня? — тщательно подбирая слова, произнесла я.

— Да ничего, в общем-то, особенного. Поговорить. Как думаешь, найдутся у нас общие темы для разговоров? У тебя и у твоей жизни?

— Наверное, — осторожно предположила я. — А почему я должна тебе верить?

— Несомненно, не должна, несомненно, — согласно закивала она головой.

— Но я могу тебе доказать. Придумай самый заковыристый вопрос о себе — и я отвечу на него.

— Один?

— Давай три.

Игра была любопытная.

Я задумалась.

— Итак...

Варианты вопросов о любимой книге, любимом напитке, любимом блюде пришли в голову первыми, но это было глупо. День, когда я познакомилась с мужем... нет, не то. День, когда я впервые узнала, что сын — влюбился... еще в детском саду... да я сама точно не помню. А что, если...

Вариантов, что передо мной сидит хакер, было ничтожно мало.

— Пароль моей электронной почты? — спросила я, здраво предполагая, что посторонний человек знать его не должен.

— Которой?

Я заколебалась на мгновение, а незнакомка достала ручку из сумки, взяла салфетку и, не задумываясь, написала на ней три адреса и три пароля.

Невозможно. Один из них я сама не помню наизусть!

— Достаточно? — усмехнулась незнакомка, разрывая салфетку на мелкие кусочки. — Или будешь задавать ещё вопросы?

— Пока не знаю, — честно ответила я. — Так ты что, всё обо мне знаешь?

— Да.

— Непостижимо, — пробормотала я.

— Нет, это вполне рядовая ситуация, — поправила меня она. — Я же твоя Жизнь, не чужая.

— И что ты хочешь от меня?

— У меня к тебе деловое предложение, — незнакомка не намерена была тянуть время.

Да уж, чем раньше она объяснит, что происходит, тем будет лучше.

— Ты жизнь... если так, то где же... смерть? — сглотнув, произнесла я. Меня кольнуло нехорошее предчувствие. Нет, я не могу. Не сейчас... я не готова, не хочу...

— Успокойся, до встречи с ней тебе ещё очень далеко, — улыбнулась дама.

— У нас с тобой ещё столько всего впереди!

У меня немного отлегло от сердца. Это было очень странно — но я почти ей верила. Однако ощущение того, что я в данный момент являюсь участницей кошмара, не проходило. Как же так? Я так спокойно пила кофе... Кто же она такая?! Жизнь... да пусть так, не буду с ней спорить. Мало ли.

— Так что за предложение? — вежливо поинтересовалась я.

— Сразу к делу? Ну, хорошо. Не будем терять время. Я пришла вот с чем, — дама подалась немного вперед. Мне захотелось отодвинуться подальше — так разговаривать со своим двойником было как минимум жутковато. — Слушай. Каждому человеку дается шанс прожить лучшую из уготованных для него жизней. Но не все выбирают именно её.

Ну, вот... началось. Куда ни глянь — все любят пофилософствовать, независимо от образования и профессии.

Впрочем, почему бы не послушать, что она говорит? Пусть рассказывает. Тема-то интересная. Послушаем, поговорим. Почему бы нет? Всё равно спешить мне некуда. Развлечение, несомненно, специфическое. С другой стороны, хорошая альтернатива одинокому вечеру...

— Пресловутые семь дорог?

— Нет, не семь. Двадцать одна.

— Очко? — усмехнулась я, в общем-то успокаиваясь.

— Да, именно так. Очко. Трижды семь — двадцать одна жизнь.

— Что ж выбор так невелик?

— Да нет же, это большой выбор. Один человек имеет шанс пройти по каждой из двадцати одной дорог. Двадцать одна дорога — двадцать одна жизнь, двадцать одна ветка. Но каждая из этих основных веток имеет в свою очередь бесчисленные ответвления. Но об этом не будем — суть одна. Двадцать одно. Очко, как ты правильно выразилась. Все остальное — незаметные на первый взгляд отличия и сейчас к делу не относится.

— Это как? Не понимаю.

— Ну, это типа поехать домой на другом троллейбусе или вообще отправиться непривычным маршрутом. Что-то изменится. Но не сильно. Встретить старого друга, договориться о встрече и потом думать — пойти или не пойти, надо мне это или нет. Правда, если каждый раз искать себе такие мелкие «развлечения», в конце концов, можно перескочить с ветки на ветку.

— Куда перескочить? — у меня голова пошла кругом.

— С одной дороги жизни перейти на другую. Ну что тут непонятного? Как в метро. Сейчас объясню на пальцах. Вот, к примеру, у женщины всё хорошо. Привычно, обычно, как у всех. Всё устоялось. Дом, работа, дом. Дети, муж, борщ и котлеты. Так и будет жить, так и будет готовить обеды, выйдет на пенсию, в лучшем случае будет на даче помидоры с огурцами разводить.

— Тоже хорошо.

— Не спорю. Но вдруг она встречается со старой подругой. Предположим, где-то там они в детстве лазили вместе по заборам, деревьям, вместе были впервые влюблены в одного мальчика — в общем, впечатления остались самые светлые. Поговорили. Эта, первая женщина, и забыла, какая боевая она была в детстве. Разошлись. Периодически переписываются. Первая готовит обеды, вторая ездит на семинары. Первая печет пироги и разгребает проблемы на работе из-за больничных по уходу за ребёнком, вторая опять сменила работу. Первая все ещё тут, вторая обживаетея в другом городе. Полгода не прошло, а она уже хорошо обосновалась и всё зовёт подругу к себе. Первая, может, и хотела бы, но никак не получается. Наконец-то решает вырваться на пару дней — погостить. Потом ещё на пару дней. Там она знакомится с

кучей народу, и однажды покоряет всех своими пирожками «из топора». В общем, суть, думаю, ясна, так что я закругляюсь. Далее она попадает на телевидение, где демонстрирует своё мастерство в кулинарном шоу, заканчивает курсы... назовем их «виртуозы выпечки», и в конце концов открывает свою булочную. В результате вся семья перебирается жить в столицу. Точно так же та, первая женщина, может потом выращивать помидоры на даче, если захочет. Только дача будет со всеми удобствами, в отличие от той хибарки, что была ей уготована в первом случае. Вот это называется перескочить с ветки на ветку. А можно было и дальше сиднем сидеть на диване.

Я задумалась. Сидеть сиднем — это в точку. Это явно обо мне.

— А как же судьба?

— Судьба, — фыркнула Жизнь. — С ней у нас договоренность. Определенная.

— А выражение «на роду написано»? — не унималась я.

— На роду много чего написано. Да только не все умеют читать, — отрезала Жизнь.

Да... Потрясающе! Кем бы ни был мой двойник, то, что она говорила, было весьма любопытно.

— Давай не будем отвлекаться, — продолжала дама. — Значит, три раза по семь. Каждая из трех семерок имеет свои отличия. Первые семь — не очень-то и веселые. Вернее, это самые тяжелые дороги. Те, по которым идти не желательно. Проблемы — на самом деле, большие проблемы. Предательство. Болезни. Нужда. Эти дороги я бы не хотела тебе показывать. Это самое плохое, что, как ты правильно сказала, на роду у человека написано. Но всего этого может и не быть, это крайний вариант и он, к счастью, не твой, так что оставим. Следующие семь — средние. Средний достаток, средняя работа, среднее положение в обществе, средний дом, средненький муж со средней зарплатой, сама звёзд с неба не хватаешь. Всё, в общем-то, неплохо, но и сказать, что жизнь удалась, нельзя.

— Многие так живут.

— Да, многие. В основном эти семь дорог самые популярные. Варьируются от «вкальваю, как ломовая лошадь, а толку — ноль» до «чего напрягаться, все и так нормально. Живём, как все, потихоньку, не высовываясь. И так сойдёт». Плывут себе по течению, вздыхая об упущенных возможностях и изредка покупают два-три лотерейные билета, надеясь на чудо. Сетуют, ах, жизнь такая серая. Не я, а сами такие! Вокруг столько красок! Просто надо открыть глаза пошире и посмотреть вокруг. Вспомнить, о чём мечтал. Подумать, что ты умеешь делать лучше других или даже к чему у тебя талант. Должен же быть у человека какой-то талант! И у каждого он есть. А вы со словами «судьба такая» складываете лапки и плывёте по течению жизни, словно это не ваша судьба решается, а абсолютно чужого вам человека, до которого вам нет никакого дела. И тонете в рутине, в суете, в бытовых никому не нужных мелочах. Забывая о том, что спасение утопающего — дело рук самого утопающего.

— А что ты предлагаешь? — спросила я лишь для того, чтобы не молчать.

— Я всем предлагаю лучшие семь дорог! Лучшую семёрку из возможных! Но люди — то боятся, то стесняются, то не верят. Это бедствие какое-то!

— Ну, так всё правильно. Я тоже не верю.

— Давай-ка я кое-что тебе покажу.

— Покажи, — согласилась я.

Дама пристально посмотрела на меня.

Дальше я не поняла, что произошло — то ли она взяла меня за руку, то ли мне это просто почудилось, но всё вокруг замелькало, замельтешило... Как в детстве — когда смотришь в трубку, в которой осколочки разноцветного стекла насыпаны, и в зеркалах отражаются. Калейдоскопом называлось. Вот и реальность завертелась вокруг меня, как тот самый калейдоскоп.

Я почувствовала легкое головокружение и слабую тошноту, но вот картинка остановилась.

Яркий свет, огромный зал, тысячи лиц. На сцене театра разворачивалось — вернее, подходило к концу — какое-то феерическое действие, и я, я была там! Я — и в то же время не я — пела главную партию. А настоящая «я» стояла рядом, хоть никто, как ни странно, не обращал на это внимание. Мой голос звенел под сводами театра, и вот последний аккорд, чистейшее верхнее «ля», тишина... и зал взорвался неистовыми аплодисментами. Крики «браво, бис», цветы... Да, это была я, действительно я! Это я стояла на сцене, это моё сердце неистово билось. Я чувствовала, как тянет холодом по полу, но тело горело, мне было жарко, ужасно жарко.

Экстаз. Непостижимый, необъяснимый, неземной экстаз овладел мной.

— Да, это ты. — Жизнь все время была рядом, а я её и не заметила. — Это могла бы быть ты. Почему же ты не стала ею?

— Не знаю. Тогда не хотела. Потом было поздно.

— Нет, ещё долго не было поздно. Почему ты отказалась от своей мечты?

— Сомневалась... боялась... была не уверена. Не знала, что именно мне нужно...

— Теперь действительно поздно, — припечатала Жизнь.

— Большое спасибо! — разозлилась я. — Тогда зачем ты мне это показываешь?

— Чтоб ты знала, что это всё могло быть в твоей жизни.

— Ага, и это было бы просто так? Такая вот малина, вся спелая и ни одной гнилой ягодки? Только сладость и никакой горечи?

Жизнь удовлетворенно кивнула.

— Я знала, что ты не глупая. Смотри дальше.

Театральный подъезд. Несколько шкафообразных охранников ведут меня к машине. Вокруг щелкают фотоаппараты. Я словно была рядом, и в то же время чувствовала то, что чувствует эта, другая. Я — та, другая — улыбалась, но улыбка была не настоящая. Мы «обе» сели в машину.

Экстаз, охвативший меня во время пения, прошёл. Улыбка понемногу сползала с губ. Я знала, что еду домой, в прекрасный, шикарный, но такой пустой дом. Одинокий. Муж оказался донжуаном, и я не вынесла его измен. Мы расстались. Но на самом деле я всегда была замужем за театром. Театр отнимал всё — время, силы, эмоции. Он забирал всё, но в то же время давал

мне испытать невысказанное чувство эйфории, восторга и неистового счастья, когда тебе рукоплещет публика. За эти мгновенья я была готова отдать всё — и я всё отдала. Артистка положила к ступеням театра жизнь, и он, не задумываясь, поглотил её. Я жила в театре, там любила и чувствовала, страдала и радовалась, испытывала восторг, горечь разочарований и радость побед, там была настоящая моя жизнь, а больше... больше ничего не было.

Это продолжалось уже давно, я привыкла и была счастлива. Только ненавидела возвращаться поздно вечером в одиночество. Наверное, поэтому я далеко не каждую ночь проводила дома.

Всё это вихрем пронеслось в голове, я посмотрела внимательнее на саму себя — в мехах и шикарном наряде, и та, другая «я», тоже посмотрела на меня.

Я отпрянула назад... и вывалилась обратно в кафе.

— Это не счастье, — сказала я.

— Нет, счастье. Ты счастлива там. Была бы счастлива.

— Но... дом, семья, дети... Разве есть что-либо прекраснее материнства? Шёпот огня в камине, потрескивание поленьев, тихий семейный вечер... когда ты знаешь, что этот огонь ты поддерживаешь сама — в этом счастье...

— А камин-то у тебя нет.

— Да я так, образно...

— Не в этом случае, — отрицательно покачала головой Жизнь. — Там у тебя на всё это не было времени. Но в данном случае это и не было твоим предназначением — ты служила театру, и главное всего на свете для тебя был бы зритель, который, стоя, рукоплескал тебе после каждого спектакля. Это — счастье. Поверь мне. Не многим дано такое испытать.

— Я бы так не хотела... наверное, поэтому у меня ничего и не вышло. Я бы не смогла...

— Смогла бы. Но это уже дело прошлого.

— Тогда я не понимаю смысла всего этого!

— Скоро поймёшь.

Жизнь снова пристально посмотрела на меня, и калейдоскоп закрутился во второй раз.

Огромный город. Наверное, так выглядит мегаполис, который мне, прожившей всю жизнь в небольшом городке, сложно даже представить. Он обрушился на меня оглушающим гамом: бесконечные вереницы сигналящих машин; толпы спешащих людей; здания, сияющие яркой рекламой и уходящие высоко в небо. Большинство из них были именно как муравейник с его ходами — с бесчисленными коридорами и офисами. Вот в одном из них мы и оказались.

Немыслимо — но на этот раз я увидела себя, сидящую за компьютером в отдельном кабинете. Табличка на дверях гласила: «Главный редактор». Не может быть!

Да, вот уж чудо так чудо — эта дама, словно сошедшая с обложки глянцевого журнала (редактором которого она — я — в данном случае являлась) была похожа на меня ещё меньше, чем певица, которую я видела до этого. Но надо признать — когда-то, давным-давно, меня посещала такая идея —

заниматься журналом, правда, всё это было смутно, неконкретно. Точно так же призрачно, как и желание стать певицей.

Здесь, у этой женщины, было двое детей, они учились в престижной школе. Правда, видела она их редко — отвозил в школу и привозил их обратно шофер, а если вечерами дети были дома, то сидели по своим комнатам. Я — она — дома бывала редко даже вечерами: презентации и выставки, дружеские вечера и обязательные ужины — все это отнимает уйму времени и сил, но я счастлива. Правда, муж ворчит и злится, что меня постоянно нет дома, но мне недосуг все это выслушивать. Я слишком занята, от меня так многое зависит, я такая важная персона! Как же мне нравится моя жизнь!

— Так жить сложно. Я бы так не смогла, — сказала я Жизни, снова очутившись в кафе.

— Смогла бы. Ко всему привыкаешь.

— Но у меня нет специального образования, — слабо сопротивлялась я.

— Конечно, сейчас нет. Но могло бы быть. Второе образование разве кто-то отменил?

— Ладно, — вздохнула я. — Это всё?

— Ну, я просто обязана показать тебе ещё кое-что.

На этот раз меня первым делом окутали запахи — невероятная смесь пряного, сладкого, горького и свежего. Я была одета странно: на мне балахон, вышитый кричащим орнаментом, волосы перехвачены ярким платком, на запястьях множество браслетов.

Курились благовония, где-то звенели колокольчики. А, это посетители зашли в магазин. Ах, это же я — я хозяйка этого экзотического великолепия... Две милые девушки вежливо разговаривают с покупателями, а я просто смотрю вокруг и в очередной раз не верю, что моя мечта сбылась.

Милый небольшой магазинчик с этническими штучками, заморскими сувенирами и разнообразными безделушками, которые приносят в дом тепло и магию южных островов.

В этой жизни у меня было всё по-другому — путешествия в дальние страны, муж, разделяющий моё увлечение. Весёлые и раскованные дети. Двое — мальчик и девочка. У девочки вся голова в косичках, на запястьях браслеты. Много тонких браслетов. Мальчик серьёзный очень, уехал по обмену учиться за границу. Всё хорошо...

— А здесь, что здесь не так? — поинтересовалась я.

— Да всё так. Только вас собираются выселять, здание — историческая ценность, его будут реставрировать-восстанавливать, так что тебе скоро придётся сворачиваться и перебираться куда-нибудь, ты ещё не знаешь ничего. В центре аренда стоит немислимых денег, у тебя таких нет, а на окраину не хочется. В общем, надо будет крутиться.

— Этого я не умею.

— Умеешь, — фыркнула Жизнь. — Ты много чего умеешь. Просто не знаешь. Просто сама себе шанса не давала.

В чём-то она, несомненно, была права.

— Но к чему ты это всё показываешь?

— Чтоб ты на саму себя посмотрела внимательно! — Жизнь подалась вперед, заглянула мне в глаза... нет, прямо в душу. — Вот смотри, смотри и слушай. Сегодня, сейчас у тебя последний шанс изменить всё — весь свой мир, всю свою жизнь! Мир, в котором ты живёшь, можно изменить до неузнаваемости, зажить совсем новой жизнью. Ты слышишь? Ты что, спишь?

— А... нет... Так уже и последний, — опомнилась я. Надо же, замечталась!

— Ну, последний хороший шанс, скажем так. Всё может быть в жизни, — погрустнела собеседница. — Всякое может произойти, ты же знаешь. Но я не хочу рисовать тебе мрачные перспективы, у тебя достаточно ума и опыта, чтобы избежать неприятностей и не свернуть с прямой дорожки. Не вляпаться в дерьмо, прямо говоря. Но вот это — то, что я предлагаю тебе сегодня, боюсь, что сама, без хорошего пинка, ты не примешь. Не поверишь. Побоишься. Не увидишь просто! А второго такого шанса у тебя не будет. Такой шанс — гарантирую — у тебя последний.

— Хоть кофе-то можно допить?

— Допивай, — милостиво разрешила собеседница. — И слушай. Сейчас ты выйдешь из кафе и встретишь его.

— Его я уже встретила, пятнадцать лет назад, — усмехнулась я. — Он был таким романтичным и нежным.

— До тех пор, пока не поставил решётки на окна, да? — с сарказмом произнесла Жизнь.

Горько, но она была права. Действительно, наша жизнь превратилась в клетку. А решётки мы установили сами. И наружу теперь не выбраться, а внутри — тошно.

— Так вот, ты встретишь не его, а Его, — повторила Жизнь, особо выделив последнее слово. — Этот человек — тот, кто круто изменит твою жизнь. Коренным образом изменит! Слушай внимательно. Всю свою жизнь ты вкалывала, как ломовая лошадь. Всю жизнь ты старалась быть хорошей для всех, кроме самой себя. Всю жизнь ты жила не своей жизнью — жизнью тех, кто с тобой рядом. Может, пора бы уже заняться собой? Сделать, наконец, что-то для себя? Сын уже большой. Он вырос. А ты была хорошей матерью. С ним всё будет в порядке. Муж — вас уже давно ничто не держит вместе, кроме привычки. Пройдёт ещё пять-десять лет, и сын уедет от вас, и заживёт своей жизнью. У него появится своя семья, и видется вы будете два раза в месяц по выходным. В лучшем случае! А с мужем вы будете жить под одной крышей — не более того. У вас будут разные спальни. Вы почти не будете общаться. Даже есть вы будете, в основном, порознь! Скажи, разве ты никогда не задумывалась об этом? Разве никогда твоё будущее не представлялось тебе именно таким?

— И что, это — единственный вариант? — мне было больно. И обидно. Но с ней я была почти готова согласиться. Всё, что она говорила, было именно так.

— Не единственный. Но, поверь, самый вероятный! Так что слушай и запоминай. Ты сейчас выйдешь отсюда, рядом остановится машина, в ней будет мужчина. Он скажет, что неместный, навигация у него сломалась, спросит, как проехать. Цель его пути, оказывается, находится рядом с твоим

домом. Но объяснить на пальцах сложно — проще показать. Ты сядешь к нему в машину.

— Да ни за что! А вдруг он маньяк?!

— Логичный вопрос. Может быть. Именно поэтому ты сама и не села бы. Хорошее правило — никогда не садиться в машину к незнакомцу. Гениальное правило! Никогда не надо садиться! Но поверь, ни в этом случае! Гарантирую. Так вот. К моменту, как вы доедете до твоего дома, и у него, и у тебя возникнет чувство, что вы знаете друг друга сто лет и жить порознь уже не сможете. Вы ещё долго будете сидеть в машине, забыв о том, что тебе надо домой, а ему — куда-то ехать. Вы обменяетесь телефонами. Он, вопреки твоим ожиданиям, позвонит. Будет тяжело. Будут проблемы. Тебя будут ругать друзья-знакомые, говорить, что ты сошла с ума. С мужем ты разведёшься.

— А сын?

— Сын со временем поймёт.

— Со временем...

— Именно так. Со временем. Но поверь, это того стоит! В любом случае, тебе пора. Ну, поднимайся же! Вот прямо сейчас, сию минуту! Поднимайся и иди!!!

— А ты?

— Ну, я всегда где-то рядом, — улыбнулась Жизнь.

Я оставила деньги на столе и нерешительно направилась к выходу.

— Ну, давай же! — услышала я за спиной. — Это твой шанс! Смелее! Это твоя жизнь! Возьми её!

Медленно я приоткрыла дверь на улицу и задержалась на секунду. После полумрака кафе глаза ослепило яркими красками осеннего вечера.

В эту минуту в сумочке зазвонил мобильный телефон.

— Слава? — растерянно произнесла я в трубку. — Что случилось?

— Мама, мама, мамочка! — захлебываясь, кричал сын. Там, где он был, шум и гам стояли невероятные. — Мы выиграли, слышишь? Выиграли, выиграли, выиграли!!!

— Ох... — у меня отлегло от сердца. — Я так рада за тебя, дорогой! Вы все такие молодцы.

— Мамочка, ты самая, самая лучшая, я так тебя люблю!

— Я тоже тебя очень люблю. А когда ты приезжаешь?

— Я так счастлив, мам!!! — завопил сын и отключился.

— И некого винить в собственной жизни, кроме самой себя, — пробормотала я, бросая телефон в сумку и наблюдая, как напротив меня остановилась машина, из неё выглянул импозантный мужчина и что-то спросил у прохожего. А потом покатил дальше, возможно, унося с собой мою несбывшуюся мечту.

Рядом со мной стояла Жизнь. Во взгляде её не было ни укора, ни разочарования. Скорее даже, некоторый интерес.

Я пришла домой, сбросила туфли. Прошла в комнату и села, не зажигая свет. Так я просидела довольно долго, размышляя над тем, что со мной произошло.

Хлопнула входная дверь. Я, конечно, слышала, но не вышла мужу навстречу. Странно, вернулся. Я не ждала его сегодня.

Он появился в дверях, а в руках у него был огромный букет роз. Красных, шикарных красных роз.

«С чего бы?» — удивившись, подумала я.

Муж протянул мне цветы. Какие душистые розы! Просто удивительно. Иногда бывает, что розы совсем не пахнут — а у этих был настоящий, ни с чем несравнимый аромат. «Как в кино», — пронеслось в голове.

— Знаешь... ты извини меня...

— Извинить? — мне стало не по себе.

— Я знаю, что в последнее время мало уделял внимания тебе и Славке. Я видел, как мы отдаляемся друг от друга. Ты, наверное, очень обижалась на меня.

— Я...

— погоди. Не перебивай. Я всё понимаю... я виноват перед вами. Но я всё делал только ради нас. Ради тебя, ради сына.

Я молчала и слушала. Голову дурманил дивный аромат, я слушала, а муж говорил, говорил...

Он говорил, что хотел бы поделиться с нами своим тревогами, но не мог — не знал толком, как всё сложится, не хотел зря обнадёживать. Сам находился между небом и землей — ничего не было известно. Не знал толком, как быть, что делать — они начали новый проект, и все силы уходили на эту работу, и всё так тяжело двигалось, и он так зверски уставал, что дома ему хотелось, чтоб только никто его не трогал, и даже не разговаривал. И вообще последний год на работе всё было из рук вон плохо, но затянувшаяся чёрная полоса закончилась. Наконец-то все утряслось: они сдали работу, сдали благополучно и с похвалой от очень строгого и капризного заказчика, а сегодня — прямо сейчас — мы будем праздновать его повышение. Он очень сильно надеется, что ещё не поздно и, если я на него и сердилась, он знает это, то смогу простить, потому что всё, что он делал — он делал, несомненно, ради нашей семьи. Теперь многое изменится, и всё — в лучшую сторону.

Что можно было сказать в ответ?

Я не придумала ничего другого, как просто обнять его — молча.

Розы он не дарил мне уже много-много лет.

Потом мы пили шампанское на кухне, и говорили — небывало много, как когда-то в молодости, когда не могли наглядеться друг на друга, послушаться.

А через девять месяцев у меня родилась дочь. Первое время я вообще ни о чем не думала, ничего не вспоминала, жила только одним моментом под названием «сейчас». Новорождённая малышка, сын, муж — всё и вся требовали внимания и заботы. Но, как ни странно, позднее материнство принесло счастье и спокойствие в мою душу, и вдобавок подарило мне удвоенную теплоту и любовь моих мужчин — сын, к счастью, совсем не ревновал к девочке и с удовольствием с ней возился. А потом, когда малышка в первый раз улыбнулась, я с удивлением узнала эту улыбку. Она была моей, несомненно, моей — девочка была похожа на меня. Но... её улыбка также была улыбкой той, с кем я пила кофе около года назад в том чудесном кафе. Той, которая предлагала мне изменить всё.

А ведь так всё и вышло. Всё изменилось. Не знаю, стала бы я более счастливой, если бы выбрала тот уникальный шанс, что предлагала мне Жизнь. Я даже не знаю, куда бы она меня забросила. Кто знает, может, всю жизнь корила бы себя за то, что послушалась чужого мнения. Я не выбрала или всё же выбрала, но это уже — совсем другое. Главное, я не ошиблась.

А может, именно так оно и должно было быть.

Я хорошо помню момент, когда муж и сын забирали нас из роддома. Стояло лето: чудесное, зелёное, тёплое. Но не жаркое, что было очень кстати. Мы вышли из здания, муж держал на руках нашу дорогую девочку, а я с восторгом оглядывалась вокруг, наслаждаясь свежим воздухом, которого так не хватало в палате. И вдруг я увидела недалеко от нас тонкую фигурку с копной струящихся волос, горящих на солнце каштановым огнём. Я улыбнулась ей, а она помахала мне рукой и пошла по улице, теряясь среди прохожих, отдаляясь от меня всё дальше и дальше.

Наконец, она обернулась.

Могу поклясться, что она улыбнулась мне в ответ.